

Весной 1975 года (если не 1974-го) обсуждалась публично первая в Москве книга Юрия Кузнецова “Во мне и рядом – даль”, после чего я подошла к Юрию и попросила подарить мне эту книгу. Он был изумлён и подарил. Так что, собственно, творчество Юрия Кузнецова в новой советской поэзии семидесятых

...Если Юрий Кузнецов всё больше говорил мне о Блэзе Паскале, то я всё чаще говорила ему об Аристотеле. Мы спорили: кто лучше из них – Паскаль или Аристотель? Досадовали друг на друга за расхождение взглядов, но всё-таки умо-
Лада ОДИНЦОВА

Третий Рим мировой поэзии

ключали о том, что они разные, как разнятся, например, клён и тополь. В конце концов мы достигали взаимопонимания и мирно переходили на тему о христианской добропорядочности великороссов. Именно это качество поэтической натуры привлекло меня в 1981-м году к личности Юрия Кузнецова.

В период наших творческих встреч с прогулками вдоль Филёвско-Кунцевского русла Москвы-реки Юрий говорил мне о своём интересе к духовным стихам, которыми я, правду сказать, почти не интересовалась: это было бы неестественно для моей творческой сверхидеи. В творчестве же Юрия Кузнецова традиция народных духовных стихов была органичной. Я вспоминала об этом, наткнувшись на статью Иоанна Ладожского “Русские духовные стихи”. Богослов сообщает, что этот фольклорный жанр создавался бродячими инвалидами – каликами перехожими, выступавшими перед публикой на базарах и у монастырских ворот. Иоанн Ладожский приводит образец данного поэтического жанра:

*У нас белый свет взят от Господа,
 Солнце красное – от лица Божия,
 Млад светел месяц – от зрудей Его...*
 В период наших творческих встреч на Филах Юрий Кузнецов также высказывал мне свои сокровенные мысли о поэзии, провозглашал: “Поэзия есть красота”. Я соглашалась с ним лишь отчасти, поскольку Николай Ушаков приучил меня ещё в моем 15-летнем возрасте понимать поэзию как изначию и красочно выраженную мудрость. Соглашаясь с моим спутником лишь отчасти, я неспешно брела с ним парковыми аллеями, расширяемая любопытством к иному, чудному мне способу мышления. Тогда же я услышала от Юрия Кузнецова о его желании воспеть какой-то абсолютно совершенный женский идеал, которого он никак не мог нигде найти. На это я высказала ему суждение о том, что мужские и демонстративно-азиатские манеры препятствуют Юрию найти такой женский идеал. Прекрасные дамы всегда будут шарашать от мужика, привыкшего помыкать бабами. Кузнецов воспринял моё критическое суждение благодушно – как дружеский совет перенестись, начать самосовершенствование своей натуры в классическом ключе.

Такая простая мысль поразила Юрия, видимо, потому, что попала в резонанс с его собственными исканиями и догадками. Да ещё, мне кажется, интерес Юрия Кузнецова ко мне был спровоцирован статьёй Виктора Жигунова “Заклиания при свечах” (конец 70-х годов) в “Литературной газете”. Сторонний наблюдатель советской поэзии 70-х лет заметил некое мистическое сходство моего душевного мира с душевным миром тогдашнего Юрия Кузнецова, что при близком знакомстве удивило нас обоих, поскольку мы поднимались на поверхность одновременно из общественной недр Литературного института, враждующая друг с другом, как того требовали правила игры той поры.

После провокационной статьи в “Литгазете” мы с Юрием с естественным любо-

годов было исключительным среди заунывного пеняя деревенских куликов славянофильской школы. Юрий Кузнецов принадлежал к малочисленному составу так называемых русских камикадзе – идеологов художественного попроща, на котором волею судеб мы с ним и пересеклись в 1981-м году.

пытством взглянули друг на друга иными глазами. Началось это на Блоковском празднике в Шахматове в первые две августа 1981 года, т.е. спустя несколько лет после нашумевшей публикации Жигунова. Юрий сам инициировал наше сближение, заметив меня, сидевшую в гордом одиночестве на траве, когда Татьяна Реброва читала свою задуманную лирику на Блоковском камне. Я ожидала конца её выступления для приятельской беседы, но вышло, что Юрий перехватил меня. По-видимому,

вмешалась фортуна. Так или иначе, но нами овладело понятное любопытство друг к другу. Мне было интересно его безумная жажда риска, поскольку я сама – человек азартный.

До сего дня Ильи Пророка в Шахматове

оба мы пребывали в душевном покое, но после сего дня оба лишились покоя на долгие времена. Наш творческий контакт в тот августовский период походил на горение бенгальского огня: мы искрились из-за разногласий. Это было природное единство и борьба противоположностей, стремящихся к универсальному результату. Приятно было вместе с Юрием вспомнить Рубцова, обсудить стихи Передереева, симпатизировавшего нам обоим, – т.е. найти в наших разногласиях нечто общее. Когда мы приехали из Шахматова на Филы, Юрий Кузнецов помог мне – сам вбил гвоздь в кирпичную стену (это никак не удавалось мне сделать до его появления) и повесил на гвоздь голубой гризайль – картину моего брата, изображающую обнажённую девушку со спины, которая слушает шум океана и играет на скрипке.

Когда из Шахматова автомобиль привёз нас в мой творческий кабинет на Филы, я включила стереопроигрыватель с алмазной иглой для грампластинок и поставила воодушевляющий Пятый танец Брамса – искромётный, вселёный, поскольку нас самих удивило наше творческое сближение. Всю ночь просидели мы возле проигрывателя в литературных беседах. Такие беседы у электрического самовара являлись моим обычаем, многие знали о нём. И Валентина Мальми, и Эдуард Балашов, и Леонид Ханбеков, и Анатолий Парпарла, и Ирина Шевелёва засиживались допоздна у меня за чаем, как затем Кузнецов. Помню, что мы достигли единства в оценке стихотворения Артура Рембо “Пьяный корабль”, а также творчества Данте. Юрий под утро устал и растянулся в том, в чём был одет, на шерстяном ковре, лежавшем в центре моего кабинета. Я, тоже не раздеваясь, прикорнула за шторой в будуаре. Проснувшись с птичьим пением, мы решили умыться в реке, позавтракали на речном берегу, увлечёвшись таким запоздалым сближением двух “врагов”. Говорили об

Иисусе Христе, о живописи Босха и Сальвадора Дали, о музыке Бетховена... Юрию Кузнецову было важно всё, что касалось мировой культуры. Об этом же свидетельствует и его творческое наследие.

...Помню, как заспорили мы с Юрием Кузнецовым насчёт его тогдашнего кумира Кожина. Мы наблюдали солнечный закат на Москве-реке. Оконтуренный светом заходящего солнца Юрий сидел на лавке под раскидистым дубом. Сгоряча я вскочила и осталась стоять в бойцовской позе – подбоченясь – напротив него.

– Почему ты безапелляционно называешь Кожина законодателем литературной моды? – возмутилась я. – На мой взгляд, Кожинов являются законодателем косности гораздо больше, чем хранителем традиционализма.

– Причём тут косность? – взорвался наконец и Кузнецов, встал, и мы не спеша

двинулись по асфальтированной парковой аллее в обычный для наших августовских встреч перепалке.

– А при том, что Кожинов отвергает веяния европейской литературной моды, признавая исключительно нашу старую традицию стихосложения, – ответила я с ушаковской определённостью.

– Чем тебе не нравится добрая наша старина? – примирительно спросил Юрий и улынулся. Мой запал исчез. Я взяла у него сигаретку и закурила.

– Да нравится, отчего же нет? Моему сердцу всё добро мило. Однако, литература не должна превращаться в стоячее болото, как требует твой Кожинов. Нет и всё тут!

С этой темой было покончено, и мы по своему обыкновению молча двинулись рядом вдоль крутого правого берега Москвы-реки, блиставшей внизу. Юрию непременно хотелось склонить меня в ряды убежденных кожиновцев, а мне хотелось непременно оставаться верной ушаковскому правилу золотой середины – свободной центристкой. Ради установления мира с дамой Юрий Кузнецов пошёл на жертвы: заговорил на отвлечённые темы, перекинувшись на таёжных медведей. Был когда-то в юности у него один знакомец, который промышлял на медведях – людоедом. Он рассказывал молодому тогда поэту о том, как в тайге вышел на зорьке поудить рыбу, а под речным мостом сидит громадный медвежата. Ну, посмотрели они друг на друга и разошлись мирно. Однако, бывало и по-другому. Например, на Камчатской метеостанции люди ходили в надворный туалет обязательно с ружьем из-за медвежьего соседства.

...Позже, пару десятилетий спустя, мне стало понятно, что у Юрия Кузнецова отсутствовали системные знания в сфере философии, царовавшей его. Он предпочитал обретать философские знания интуитивно – через озарения. Мне же больше подходил обычный цивилизованный способ миропознания, и я наслаждалась набором философских ребусов Канта. Юрий протестовал против моего погружения в научные сферы, считая это вредным для поэзии. Он переживал за меня – это я заметила с удивлением и на какой-то миг растаяла. Мы остановились под старинной липой, взглянули друг на друга. В кустах пела птица. Солнце закатилось за горизонт. На левом берегу за колхозным полем зажигались крохотные избяные огоньки. Внизу синела река. А за нею в необозримом пространстве на горизонте, ещё не упрятанным за башни новостроек, чудилась вся наша Россия, которой мы оба самоотверженно служили.

В промежутке между нашими встречами в августе 1981-го года я написала по горячим следам миниатюрную поэму “Солнечное затмение” и “За что даны мне вещи глаза?”. Юрий заинтересовался моим творчеством после моего прочтения вслух ему этих произведений, в которых он так и не нашёл ничего “бабьего” – отвратительного его свободной, горделивой душе. Молча переживал он изумление от знаком-

ства с иным, непривычным внутренним миром доверившегося ему младшего существа. Он относился ко мне как к младшей, но равной союзнице по общему делу. Такое отношение к особе женского пола было внове для самого Кузнецова. Впервые он встретил женщину, в которой отсутствовало “собачье” бабское рабство – это обстоятельство пленяло и злило Юрия одновременно. В нём разгорелся азартный интерес ко мне. Меня же сокрушал безудержный кузнецовский интерес познания, как если бы я против его чуждого усилия была бы изваяна из хрустала.

Иногда кузнецовское простодушие поражаало меня, как стрелой: “Мне брехали, что ты – еврейка. А я-то верил!”. Ему требовалась ясная правда во всём: пересмотрев мои семейные фотографии, Кузнецов закончил еврейскую тему славянофильским умозаключением: “Иудаизм несёт иудеям законоуложение, а русским иудейское христианство даёт больше – благодать”. Но дальше этой прописной истины кузнецовские христианские взгляды в ту брежневскую пору не продвинулись, застряв на учении Павла Флоренского. В то атеистическое время нам было ещё не до христианства. Впрочем, свой день рождения 5-го августа я привыкла к московского отрочества отмечать на утренней литургии в церкви, поэтому вторую нашу встречу на Филах Юрий назначил позднее – на 12 часов дня и буквально осыпал меня таким неохватным букетом роз, которого я ещё никогда не получала.

...С 1967-го года я изредка посещала ахматовскую церковь на Орденье “Всех скорбящих радости”. Но главным образом я избрала для себя эту церковь потому, что храмовый праздник совпадал с числом моего рождения, т.е. было торжественно вдвойне. Мы бродили по Филёвско-Кунцевскому лесопарку, рассуждая о необходимости для творца уважения к национальной истории, о нашем единодушном преклонении перед творчеством Данте, о моральной основе стихотворчества, о гармонизирующей сути истинного назначения творчества. Даже когда Юрий Кузнецов говорил об опасности для поэта попасть под влияние коллективного сознания, подразумевая кастовость, я соглашалась, хотя меня так и расирало упрекнуть моего спутника в его подверженности влиянию Кожина. Но я хранила благоразумное молчание до той поры, когда Кузнецов заявил об отрицании просветительской функции литературы. Тут уж я заспорила, упоминая Киево-Могилянскую Академию Поэзии 18-го столетия, требовавшую от поэтов употреблять божий дар таланта для общенародной пользы в деле служения мудрости и добропорядочности. Юрий остановился, сорвал благоуханный цветок со всё ещё цветущего куста шиповника и произнёс:

– Древние люди сравнивали человеческую душу с ароматом цветка. Человеческое тело гибнет после того, как душа покидает его. Так же увядает и цветок после того, как улечитывается аромат.

...В августе 1981-го года Юрию было 40 лет, мне исполнился 31 год, и для нас обоих наш возраст являлся возрастом творческого энтузиазма, вдохновения, интеллектуальной зрелости, творческого мастерства. Правда, Юрий иногда не шифовал своих стихов в должной мере: опять-таки Кожинов бил его с толку. Я так ему и сказала. Ведь Кожинов требовал от поэта глобально охватывать мир поэтическим чувством, а стихотворная техника, по мнению Кожина, являлась чем-то второстепенным. До охлаждения к Кожинову Юрий Кузнецов следовал кожиновскому совету. В результате можно заметить в наследии поэта небрежную хаотичность, бессистемность, нахватанность чужеродного материала – т.е. неорганичность некоторых выпирающих строк. Именно эти присущие любому поэту недостатки ревниво заметил Валерий Хатюшин вслед за Глушковой. Нацеленность же поэзии Юрия Кузнецова на подвиг, героический русский дух творчества этого национального гения (т.е. главное) для них оказались непринципиальными.

(Полная версия – на сайте)

Внимание! Наш ежемесячник "День литературы" дополняется журналом

Накануне своего 20-летия газета “День литературы” выпустила первое в своей истории “толстое” приложение – журнал “День литературы”. Пока планируется выпускать новый номер журнала раз в квартал.

Каким нам видится это новое издание? Логично предположить, что журнал, возникший как приложение к ежемесячной литературной газете, унаследует её дух и традиции. Конечно же, очищенные от “злобы дня” и того публицистического задора, что всегда отличали “День литературы” в ряду других литературных изданий.

Но не только. Журнал “День литературы” делает сознательную ставку на Большую русскую прозу: романы, повести, новеллы. То, в чём мы можем сегодня увидеть и понять наше время; то, что, собственно, и останется от нашего времени.

Отсюда принцип: один журнал – один роман (повесть, несколько рассказов). Печатать из номера в номер бесконечные “продолжения” в век интернета и социальных сетей, на наш взгляд, – nepoзвoлитeльнoe бapствo, если не сказать: неуважение к читателю.

Разумеется, журнал “День литературы” не откажется от последовательной и неизменной позиции издания на протяжении 20 лет, и вслед за газетой готов манифестировать: это журнал русских писателей. Поэтому обсуждение “национальной идеи” России и судеб русского народа – будет по-прежнему ярко и целенаправленно освещаться на его страницах.

Следующим, но не менее важным, мы считаем обязательное присутствие на страницах “ДЛ” современной литературной критики, и сделаем всё, чтобы привлечь к нам все здоровые аналитические силы, украшающие современный литературный процесс.

Кстати, о литературном процессе. В последние десятилетия в русской литературе сложилась довольно невыносимая ситуация, при которой Москва – это столица Москвы. И большая часть литературных изданий занимается обслуживанием (скорее самообслуживанием) небольшой группы литераторов, прописанных внутри МКАДа.

Добавить к ним ещё несколько имён из Петербурга и выехавших на ПМЖ в Европу – и мы получим замкнутый премиальный список русскоязычных литераторов последних 10-15 лет.

И как в жанровой политике журнал “День литературы” делает ставку на Большую русскую прозу, так и в своих географических предпочтениях остаётся верен Большой России и её многочисленным и удивительно талантливым писателям. Понимая под Большой Россией, разумеется, не временно ужатую РФ, а всю историческую нашу Родину!

И последнее: чего не ждут от журнала “День литературы”? Русская литература – это, помимо всего прочего, ещё и чувство достоинства. И точно так же, как ежемесячник “День литературы” никогда не участвовал в околотипа-тельских дрязгах, связанных с переделом писательской собственности или властными амбициями тех или иных литературных функционеров, – журнал “День литературы” обещает своим читателям заниматься русской литературой и только русской литературой, в той самой степени, в какой она неотделима от судеб нашей Родины.

РЕДАКЦИЯ

В первом номере уже вышедшего журнала вы сможете прочесть роман Виктора Голубева “Банник”. Аналитическая статья Алексея Шорохова о романе будет опубликована в будущем апрельском номере газеты.

Подписаться на журнал и получать его можно в редакции на Комсомольском, 13 (второй этаж).

Внимание! В связи с капитальным ремонтом нашего здания изменился наш телефон: **8-499-246-53-11**.

Электронные координаты сайта и почты размещены в верхних левых и правых углах всех полос газеты.

О сборнике “Запоздалый дождь” Александра Боброва

*Не всё, что задумано – сделано.
 Не всё, что обещано – дано.
 Подымется ветер, и с берега
 Пройдёт затаившийся дождь...*
 Александр Бобров

Затаившийся дождь... Хорошо помню нашу первую встречу с Александром Александровичем Бобровым. Он интересовал нас из всего профессорско-преподавательского состава кафедры журналистики Московского государственного института культуры больше всего. Мы знали, что он – наш будущий Мастер. И повёл себя Бобров соответствующим образом: не разглаживал долго и длительно, что он такой, не агитировал нас в пользу прилежного обучения, а подарил нам свою предыдущую книгу стихов. С этого полтора года назад всё и началось.

В группе Литературного творчества нас было пятеро, каждого он спросил, откуда тот родом. Все были из разных мест, но с каждым из этих географических точек у Александра Александровича находилась связанная с ней история, притом настолько занимательная, какой у нас, проживших на родных просторах десятилетия, не было. С этого и пошло. На всё у нашего преподавателя находится своё мнение, меткое, быстрое в самую суть. Это особенность Боброва и как автора, и как преподавателя, профессора. А ещё он никогда не врёт ни нам, студентам, ни своим читателям. И это – тоже характерная черта, которая изменила моё отношение ко многим явлениям литературы и даже к своему творчеству. В тот же первый день при знакомстве Александр Александрович упомянул, что он – автор критической книги об Иосифе Бродском, “Вечный скиталец”. Перед институтом я трепетно относилась к Бродскому, зная несколько его самых известных стихотворений. Модно было козырнуть ссылкой на белиберду “еврейского полтора кота” в социальной

сети. А потом я прочитала эту книгу. И мир поэзии открылся мне с другой стороны, он очеловечился, эта книга позволила мне честно признать себе в том, что не все книги хороши только потому, что они – книги, не все названные лицами эпохи – на самом деле таковыми являются, и не

Яна САОРОНОВА

все поэты – лирики. Я внимательно слушаю Александра Боброва уже полтора года. На семинарах, лекциях, в публичных выступлениях. Я уже упоминала о честности глобальной, теперь скажу – о персональной. Александр Александрович всегда искренен со мной (да и с моими однокурсниками тоже), как с читателем, поэтом, студенткой, человеком. И я это очень ценю. Не изменил он себе и в своём новом сборнике стихотворений и заметок о поэзии, который называется “Запоздалый дождь”.

Начну с того, что потратило меня особенно и стало новым открытием. Часто в последнее время приходилось задумываться о форме. Составляя подборки, я с неудовольствием наблюдала, что всё у меня – по классике. Наверное, думала я, это уже не интересно в двадцать первом веке. В “Запоздалом дожде” я не нашла ни одного верлибра, и это ничуть меня не испортило. Когда я читала её, ни в чём больше не нуждалась: ни в “лесенках”, ни в верлибрах, ни в прозоизации и – чем у нас там ещё балуются современные поэты? Во мне просто – отзывался.

Первый раздел, “Дым отечества”, – это стихи о славянском мире, о родине. Встречаются строки и о друзьях, и остросоциальные – об Украине. Однако, как читатель я не совсем согласна с тем, что стихи этого цикла открывают книгу. Они, пожалуй, самые отстранённые в сборнике, здесь Бобров ещё дер-

жит читателя на расстоянии. Смотришь на панораму художественного пространства, которую автор открывает перед тобой, но в ней бездействуешь. Она – как факт наличия, красивая и неприступная, иногда – безнадёжная и безвозвратная, но всё же далёкая. Показательно тут стихотворение “В поезд до украинской границы”.

Поезд чухал, качался, копал,

Молчаливо сидел народ,

На Востоке от них, за Чопом,

На майдане девижука идёт.

Там хоть видимость смысла жизни –

Незалежность и прочая муть.

Ну а здесь-то что от отчизны

Может венгер проезжий загнуть?..

То же самое ощущение. Наблюдение

из окна венгерского поезда; взгляд

меня как читателя обращён на поэтиче-

ские строки, но проникнуть в них не

может. А потом – контрастно, резко и

неожиданно – цикл “Босая женщина”.

И вот здесь, на мой взгляд, в этих щемя-

щих и нежных стихах перед нами –

настоящий Бобров. “Лирик до последней

черты”, как очень точно приметила

Марина Кротова во вступительной статье.

В “Босой женщине” властвуют они –

противоречивые, слабые и сильные,

мудро-взрослые и наивно-юные – да

ещё всё это одновременно! – лириче-

ские герои.

Это что же такое себе ты внушил?

Привыкай и беспечно прощайся...

Снег ресницы и брови твои опуши,

Снег твой светлый,

сияющий везлэд ритмуши

Забываю его. Возвращайся...

Вот такая песнь в стихотворении

“Снежная прогулка”. Или, уже ситуаци-

онно, но исчерпывающие и с мастер-

ским сопоставлением образа природ-

ного и человеческого:

Ты идёшь в перебежках теней

И капризничаешь, уставши.

Милая, родная и светлая русская

природа. Всегда юная девушка-солнце

Я считаю у нас посылней,

Потому что значительно старше.

Больше видел и больше прочёл

И дороги знавал попоасней.

Только это, увы, не причём:

Ты практичный,

свежий и всевластный.

Ты мудрее на тысячи лет.

Что улыбка твоя предвещает?

Сквозь берёзы рассеянный свет

Проникает и рай обещает.

Палец к губам”, названный по строке

из стихотворения Литературного

наставника Александра Боброва Влади-

мира Соколова, продолжает развивать

тему современного литературного без-

умия. В небольших зарисовках можно

найти как критические замечания по

поводу современников, так и новые

интересные имена. Тут

произошёл один

наятных случаев. На

днях одна из препода-

вателей кафедры

журналистики настоя-

чиво рекомендовала

мне свести знакомст-

во с Андреем Родио-

новым, чтобы “вли-

ться в литературную

тусовку”, дескать, са-

мый талантливый

автор поколения и с

моделью взаимодей-

ствует. И тут – статья

“Акустика – измени-

лась” в конце поэти-

ческого сборника, где

было, совершенно

магически – про

дионова. С цитатой

Ольги Ильницкой о

вахналях, которые

называются “ту-